

МИЛАН МАРИКОВИЧ

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО

1

МАСТЕРСКАЯ НА КРАЮ БЕДЫ

ПОПАДАНЕЦ. ИНЖЕНЕР. НОВЫЙ МИР.
НАСТОЯЩИЕ ПРОБЛЕМЫ.

Милан Марилович

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.

Книга 1. Мастерская на краю беды

«Автор»

2026

Марикович М.

**МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО. Книга 1. Мастерская на краю беды /
М. Марикович — «Автор», 2026**

Алексей Лавров двадцать лет обследовал аварийные здания и знал: само ничего не ломается. Поэтому, очнувшись после обрушения в чужом теле, с чужими долгами и в мире, где воду запускают заклинанием, он первым делом спросил не «где я», а «кто менял настройки». Королевство Тарвен живёт на древней магической сети, которую никто не понимает: маги поют машинам Слова, гильдия бережёт свои тайны, а столица тихо выкачивает силу из провинций. Алекс не умеет колдовать. Зато он умеет мерить, считать, признавать ошибки и учить людей. Этого хватает, чтобы чинить невозможное: городской водопровод, дороги, которые исчезают с карт, систему, которую столица держит в кулаке. Только чем лучше он чинит, тем внимательнее за ним следят. Пять романов о мастере, который строит не чудеса, а сеть, где каждый город может выстоять сам. С юмором, инженерной смекалкой и командой, которой хочется доверить собственный дом.

© Марикович М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖИЕ ДОЛГИ	5
Глава первая. Затопленный подвал	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

МАСТЕР НЕВОЗМОЖНОГО.

Книга 1. Мастерская на краю беды

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖИЕ ДОЛГИ

Глава первая. Затопленный подвал

Последнее, что я помнил, был звук.

Не грохот, нет. Грохот — это потом, это для кино. Сначала бетон говорит тихо, сухо, будто кто-то ломает об колено пачку спагетти. Я двадцать лет слушал, как говорят конструкции, и этот звук знал лучше собственного голоса. Он означает одно: всё, что ты собирался сказать заказчику, говорить уже поздно.

А потом в этот звук начали колотить кулаком.

— Лавр! Открывай, гнида! Я знаю, что ты там!

Я открыл глаза. Потолок был деревянный, тёмный, в разводах копоти. Балки сечением сантиметров двадцать, на глаз — сосна, на одной трещина вдоль волокон, неопасная. Это я отметил раньше, чем понял, что не умер. Профессиональная деформация: сначала несущие конструкции, потом экзистенциальный кризис.

Я лежал на каменном полу. Пол был холодный и чуть влажный. Пахло железной стружкой, дёгтем, мокрым деревом и чем-то кислым, вроде квашеной капусты. Где-то за стеной ровно, басовито гудело, как трансформатор под нагрузкой.

— Лавр! Я дверь вынесу! Мне терять нечего, у меня подвал утонул!

Я сел. Голова не болела, и это было странно. После того как на тебя падает перекрытие торгового центра, голова болеть обязана. Я ощупал затылок, лицо, грудь. Всё целое. Только руки какие-то не такие. Я поднёс их к глазам.

Руки были чужие.

У меня на левой ладони был шрам от арматуры, со стройки в Подольске, девятнадцать лет назад. Длинный, белый, с крестиком от швов. А здесь ладонь была гладкая, только пальцы в мелких ожогах и под ногтями чёрная металлическая грязь. Пальцы длиннее моих. Запястья тоньше.

— Так, — сказал я вслух. Голос тоже был чужой, выше и с хрипотцой. — Так. Ладно.

В дверь ударили ногой. Петли были кованые, массивные, а вот косяк уже пошёл трещиной. Ещё пара таких ударов, и человек за дверью действительно её вынесет.

Я встал, пошатнулся и огляделся. Мастерская. Не музейная декорация, а настоящая рабочая мастерская, только неухоженная. Верстак, тиски, наковальня в углу, горн с холодной золой. На стенах инструмент на гвоздях: молотки, клещи, напильники, какие-то бронзовые штуковины с гравировкой, назначения которых я не знал. На верстаке ворох бумаг, придавленный подсвечником. Окно маленькое, мутное, с переплётом. За окном серое утро.

Хорошо, решил я. Разбираться будем потом. Сейчас у человека за дверью авария, а авария — это единственное, что я в этой жизни понимаю точно.

Я отодвинул засов.

За дверью стоял мужик лет сорока пяти, широкий, как шкаф, в кожаном фартуке поверх рубахи. Рукава закатаны, борода рыжая с проседью, штаны мокрые до колен. Он уже занёс кулак для следующего удара, увидел меня и на секунду растерялся. Потом лицо его стало багровым.

— Ага, — сказал он. — Живой. А я уж надеялся.

— Что случилось? — спросил я.

— Что случилось? — переспросил он с таким выражением, будто я его оскорбил. — Что случилось, он спрашивает! Твоя шутовина опять течёт, вот что случилось! Ты мне что обещал? Ты мне обещал, что больше не потечёт! За полсеребрушки обещал! А у меня бочка капусты плавает, два мешка муки в тесто превратились, а ещё масло, свечи, пряжа на продажу, всё внизу, всё в воде!

— Покажите, — сказал я.

Он открыл рот, чтобы продолжить, и закрыл. Видимо, этой фразы от меня не ждали.

— Чего?

— Покажите, где течёт. Я посмотрю.

Мужик смотрел на меня долго и подозрительно. Потом махнул рукой и пошёл, не оглядываясь. Я пошёл за ним.

Мы оказались на узкой улице, мощённой булыжником. Дома в два этажа, первые этажи каменные, вторые деревянные, с нависающими балконами. Над крышами висела сырая дымка. Вдоль улицы по канавке бежала вода, и вода эта светилась. Неярко, голубовато, как светится экран телефона под одеялом. Я посмотрел на неё секунду, потом заставил себя отвернуться. Светящаяся вода — это потом. Сейчас подвал.

Соседний дом был лавкой. Над дверью висела вывеска с нарисованным мешком и надписью «Рун. Крупа, масло, всякое». Я прочитал её на ходу и ничего не подумал.

Лестница в подвал была крутая, каменная. Уже с третьей ступени я услышал гул сильнее, а с пятой увидел воду. Её было почти по колено. На поверхности плавали капустные листья, пустая корзина, деревянный ковш и бочка, которая медленно крутилась вокруг своей оси, как будто ей тоже было интересно.

У дальней стены, наполовину в воде, стояла машина.

Я не знаю, как ещё её назвать. Бронзовая колонна в рост человека, вмурованная в стену. Сверху венец из четырёх кристаллов размером с кулак, они светились тем же голубоватым светом, что вода на улице. От колонны в стену уходили трубы, керамические, с бронзовыми обжимными кольцами на стыках. Вся конструкция гудела и мелко вибрировала. А из стыка нижней трубы, там, где керамика входила в бронзовое кольцо, била струя. Тонкая, злая, веером, прямо в подвал.

— Вот, — сказал Рун. — Твоя работа. Любуйся.

— Это не моя работа, — машинально сказал я.

— А чья? Кто в прошлом месяце сюда лазил? Кто кольцо затягивал? Кто говорил: «Корней, будет держать, как родная»?

Значит, его зовут Корней. Хорошо. Одна неизвестная минус.

Я спустился в воду. Холодная. Ботинки на мне были чужие, кожаные, с деревянной подошвой, и сразу промокли. Плывать. Я подошёл к машине и положил ладонь на бронзу.

Вибрация была ровная, но с биением. Как будто внутри что-то толкало воду не постоянно, а волнами. Насос, подумал я. Это насос. Не знаю, что внутри и почему кристаллы, но по сути это насос, который проталкивает воду по трубам дальше, в соседние дома. Распределитель.

Я наклонился к стыку. Посмотрел. Потом посмотрел ещё раз, внимательно, сбоку, против света кристаллов.

Бронзовое кольцо было затянуто до упора. Перетянuto. Керамика под ним треснула по кругу, и от этой круговой трещины вниз шла продольная, сантиметров десять. Классика. Когда трубу пережимают жёстким кольцом, а внутри идут гидроудары, керамика не выдерживает. Она ведь не гнётся, она только ломается.

— Слушайте, Корней, — сказал я. — Кольцо кто затягивал?

— Ты затягивал!

— Сильно?

— А я почём знаю? Ты кряхтел, ключ у тебя вот такой был. — Он показал руками что-то длиной в полметра. — Сказал: теперь намертво.

— Ну вот, — сказал я. — Намертво и получилось.

Сверху, со ступенек, раздался тонкий голос:

— Пап, а почему оно гудит?

Я поднял голову. На лестнице сидела девчонка лет тринадцати. Худая, в слишком большой для неё вязаной кофте, коленки подтянуты к подбородку. Глаза внимательные, серые, рыжие волосы в косе.

— Тесса! — рывкнул Корней. — Наверх! Я сказал, наверх!

— Оно всегда гудит, — сказала девчонка, не двигаясь. — Только раньше тише. А теперь громче. И ещё вот так: у-у-у, у-у-у. С перерывами.

Я посмотрел на неё с уважением. Тринадцать лет, а уже слышит биение.

— Правильно слышишь, — сказал я. — Оно толкает воду толчками. А трубу зажали так, что она не может даже чуть-чуть подвинуться. Вот она и треснула.

— А если не зажимать, она же потечёт?

— Если не зажимать совсем, потечёт. А если зажать в меру и подложить мягкое, она будет двигаться и не потечёт.

Девчонка задумалась. Корней посмотрел на неё, потом на меня, и лицо у него стало ещё мрачнее.

— Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне скажи: починишь?

— Как это выключается? — спросил я.

Корней посмотрел на меня как на идиота.

— Словом, — сказал он.

— Каким словом?

— Почём я знаю каким? Ты же мастер! Ты его говорил!

Отлично, подумал я. Машину выключают словом. Слово знал тот, в чьём теле я сейчас стою. Тот, видимо, Лавр. А я не знаю ни слова, ни где я, ни кто такой Лавр. Знаю только, что вода прибывает примерно на сантиметр в несколько минут, и через полчаса она дойдёт до тех мешков на полке, которые Корней ещё не успел оплакать.

Ладно. Нельзя выключить — значит, надо уменьшить ущерб. Первое правило любой аварии: локализуй, потом разбирайся.

— Корней, — сказал я. — Слив у вас тут есть? Решётка в полу, жёлоб, что-нибудь?

— Есть. Вон там, в углу. Только не уходит ничего, засорилось.

Я прошёл в угол, нашарил ногой чугунную решётку. Наклонился, сунул руку в воду. Решётка была забита капустными листьями, тряпкой и чем-то склизким, о чём лучше не думать. Я выдрал всё это одним комом и бросил на ступеньку. Вода под рукой дрогнула и пошла вниз с утробным бульканьем.

— Ого, — сказала Тесса сверху.

— Это пока не починка, — сказал я. — Это чтобы не стало хуже. Теперь сам стык.

Я вернулся к машине и посмотрел на трещину ещё раз. Целиком трубу мне не заменить: нечем, не на что и не знаю как. Снять кольцо тоже нельзя: под давлением трубу разорвёт окончательно. Значит, нужен бандаж. Хомут поверх трещины, с мягкой прокладкой, затянутый не намертво, а в меру. Временное решение. Я знал, что временные решения обычно самые постоянные, но сейчас мне было не до философии.

Мне нужно было: что-то мягкое и водостойкое, что-то, чем обернуть, и что-то, чем стянуть.

Я огляделся. Взгляд упал на бочку, которая всё ещё неторопливо вращалась посреди подвала.

— Корней, — сказал я. — Мне нужна ваша бочка.

— Зачем?

— Обруч с неё нужен. Железный.

— Да ты сдурел! Там капуста!

— Капуста у вас уже утонула. А вот мука на полке ещё нет.

Он открыл рот, закрыл, посмотрел на полку. Мука стояла сантиметрах в пятнадцати над водой. Он молча подтащил бочку к ступенькам и выкатил её наверх, на сухое. Я взял его же нож, висевший у него на поясе, поддел верхний обруч и сбил его несколькими ударами рукояти.

— Ещё нужен дёготь, — сказал я. — И тряпка. Льняная, чистая, если есть.

— Дёготь у тебя в мастерской, — сказала Тесса. — Я видела. В горшке, у горна.

Я посмотрел на неё внимательно.

— Принесёшь?

Она вскочила и исчезла раньше, чем отец успел возразить.

Пока её не было, я прикинул обруч к трубе. Велик, конечно. Его придётся разогнуть, обернуть вокруг трубы и стянуть концы. Нужен болт или хотя бы клин. Я сунул руку в карман чужой куртки. В кармане обнаружились: огарок свечи, медная монета с дыркой посередине, кусок проволоки и маленький бронзовый болт с гайкой. Я посмотрел на болт и на секунду почувствовал что-то вроде благодарности к человеку, которым сейчас был. Хотя что-то он носил с собой полезное.

Тесса вернулась с горшком дёгтя и куском холстины. Холстина была не очень чистая, но льняная. Сойдёт.

Дальше всё было просто. Я разорвал холстину на полосы, промазал дёгтем и туго, слоями, обмотал трубу поверх трещины. Струя била мне в лицо, дёготь лез в глаза, я ругался вполголоса на двух языках сразу, хотя тогда ещё этого не заметил. Потом я разогнул обруч, обернул его поверх намотки и проделал ножом дырки на концах. Обруч был мягкий, дешёвое железо, и нож его взял. Вставил болт, наживил гайку.

— Ключ, — сказал я, не оборачиваясь.

Корней сунул мне в руку что-то тяжёлое. Это был не ключ, а пассатижи, только кованые и грубые. Сойдёт.

Я затягивал гайку медленно, по пол-оборота, и после каждого пол-оборота клал ладонь на трубу. Я не знал, какое здесь давление. Я не знал, какая прочность у этой керамики. Я знал только то, что знает любой нормальный монтажник: если не знаешь момент затяжки, затягивай до того, как перестанет течь, и ни на четверть оборота больше.

Струя сначала превратилась в веер мелких брызг. Потом в капель. Потом в мокрое пятно, которое медленно темнело на холстине и дальше не шло.

Я убрал пассатижи и выпрямился. Спина ныла. Это тоже было странно: спина ныла не там, где обычно ныла у меня, а ниже.

— Всё, — сказал я. — Пока держит.

В подвале стало тихо, если не считать гула. Вода уходила в решётку с ровным журчанием. Бочки больше не было, капустные листья лениво оседали на мокрый пол.

— Пока? — переспросил Корней.

— Пока. Это повязка, а не лечение. Трубу надо менять, а кольцо больше так не затягивать. И вообще надо смотреть, почему оно толкает воду толчками. Это ненормально.

— Это нормально, — уверенно сказала Тесса. — Оно всегда так.

— То, что оно всегда так, не значит, что это нормально, — ответил я. — Это значит, что все привыкли.

Корней долго смотрел на трубу. Потом на меня. Потом снова на трубу. Он не выглядел довольным. Он выглядел как человек, у которого сломалась привычная картина мира и он пока не решил, нравится ли ему новая.

— Лавр, — сказал он наконец. — Ты это. Ты чего такой?

— Какой?

— Не такой. Ты раньше только хуже делал. Ты в прошлый раз два часа слово бормотал, потом кольцо затянул и ушёл. А сейчас за десять минут. И слова не говорил.

— Я его забыл, — сказал я честно.

Корней хмыкнул. По его лицу было видно, что он не поверил, но и спорить не стал.

— Деньги, — сказал он. — Мне за подвал. За капусту, за муку, за масло, за пряжу. Ты обещал, что не потечёт.

Я посмотрел на мокрые мешки, на опустевший угол, на свои чужие руки в дёгте.

— Заплачу, — сказал я. — Когда пойму, чем.

Он хотел что-то ответить, но я уже поднимался по лестнице. Тесса на верхней ступеньке постороилась и тихо сказала мне вслед:

— А мягкое под кольцо — это холстина с дёгтем, да? Я запомню.

Я обернулся. Она смотрела на трубу так, как смотрят на загадку, которую только что кто-то наполовину отгадал за тебя.

— Запомни, — сказал я.

Мастерская встретила меня тем же запахом стружки и дёгтя. Я закрыл дверь, задвинул засов и прислонился к нему спиной. Сердце колотилось. Только сейчас, когда авария кончилась, до меня начало доходить всё остальное.

Я помнил торговый центр. Помнил трещину по колонне на третьем этаже, не волосяную, а живую, с раскрытием. Помнил, как говорил заказчику: «Людей выводите. Сегодня. Сейчас». Помнил, как он улыбался и говорил, что сдача в пятницу, что комиссия уже назначена, что я перестраховщик и что он мне платит не за панику. Помнил, как я пошёл обратно на третий этаж, чтобы сфотографировать трещину ещё раз, с линейкой, чтобы было что положить ему на стол.

И помнил звук. Пачка спагетти об колено.

Дальше ничего.

Я подошёл к верстаку, потому что надо было куда-то подойти. Отодвинул подсвечник. Бумаги рассыпались веером. Я взял верхнюю.

«Расписка. Я, Лавр, мастер-ремесленник города Кривобродска, получил от почтенного Тиля, мельника, двенадцать серебряных марок в долг сроком до праздника Полноводья...»

Ниже подпись, корявая, с завитушкой. А ещё ниже, другими чернилами, другим почерком, мелким и аккуратным, как у бухгалтера: «Право требования передано. А. С.» И дата. Я не знал местного календаря, но цифры читались, и дата была свежая. Недельной давности.

Я взял вторую расписку. Двадцать марок, торговец железом. Внизу: «Право требования передано. А. С.» Третья. Восемь марок, вдова Грета, за наём помещения. «Передано. А. С.» Четвёртая, пятая, шестая. Все долги человека по имени Лавр, все разным людям, и все за последние две недели оказались в одних руках. У кого-то, кто подписывается двумя буквами и пишет аккуратно, как бухгалтер.

Я сложил бумаги стопкой. Профессиональная привычка: если в здании трещины разбросаны, это износ. Если все трещины идут в одну сторону, значит, что-то тянет конструкцию. Здесь все трещины шли в одну сторону.

Но об этом потом.

В углу мастерской, над деревянной лоханью для умывания, висело зеркало. Маленькое, мутное, с отбитым краем. Я шёл к нему медленно, как идут к трещине, которую боишься увидеть, потому что заранее знаешь, что она там есть.

Из зеркала на меня смотрел незнакомый человек.

Лет тридцати, может, чуть больше. Худое лицо, нос с горбинкой, явно когда-то сломанный. Короткая рыжеватая щетина. Под глазами тени, на скуле свежая ссадина. Глаза светлые, водянисто-серые. У меня были карие.

Я долго стоял и смотрел. Человек в зеркале тоже смотрел, растерянно и чуть виновато, как будто это он был у меня в гостях, а не я у него.

— Ну здравствуй, Лавр, — сказал я.

И замер.

Потому что услышал, как это прозвучало. Не «ну здравствуй». Совсем другие звуки. Мягкие, с длинными гласными, с каким-то лишним щелчком в середине. Я сказал это не по-русски.

Я быстро прокрутил в голове всё утро. Корней, который орал под дверью. Девчонка на лестнице. «Пап, а почему оно гудит». «Словом. Почём я знаю каким». Расписки, которые я только что прочитал, не задумываясь, от первой строчки до подписи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.